

Ю. ПОДКОРЫТОВ

В. ТУРБАЛ

сестра стальных великанов

Жила-была девочка. По имени Алена, по отчеству Юрьевна. Так было записано в документе, а документ хранился в старинной каслинской шкатулке.

Сразу видно, что шкатулку эту сработали искусные руки. Чугунный кружевной узор казался легким и прозрачным, а на верхней крышке было вот что:

круг солнца, а под ним расцветал подснежник.

Шкатулка уже много лет хранила семейные документы, разные памятные вещишки и ... кое-какие секреты.

Впрочем, так думала только Алена Юрьевна, потому что взрослые ни под каким видом не разрешали ей заглянуть туда.

— Всею свое время... — Так частенько говорил папа, и еще добавлял:

— Надо было тебя, дочь моя, Варварой называть. По старой русской поговорке.

— Это по какой же?

— А такой: любопытной Варваре нос оторвали.

Эту неизвестную Алене Юрьевне Варвару вспоминали в доме частенько. Видимо, у нее и в самом деле был слишком длинный нос.

Но даже и знаменитая Варвара не сумела бы открыть шкатулку — мастер, большой выдумщик, приладил такой хитрый замочек, который подчинялся только взрослым.

Ах, эти секреты! Они таинственно шуршали в шкатулке, мелодично звенели и, как казалось Алене, тоже очень желали рассекретиться.

Но — всею свое время.

Итак, жила-была... Погодите, погодите — почему жила-была?

Да она и сейчас живет-поживает в большом голубом доме, что стоит на углу улицы Сталеваров и проспекта Metallургов.

И учится в 3 „Д“ классе средней школы на Шоссе доменщиков.

Странно, что вы ее не знаете!

Алена и ее подружки — люди известные среди

дворников,

служащих домоуправления,

продавцов мороженого и газированной воды.

Потому что

все асфальтовые дорожки разрисованы цветными мелками; шумные игры устраиваются как раз под окнами домоуправления;

Алена и ее подружки — постоянные покупательницы сладкого. Во все времена года.

Что еще рассказать об Алене Юрьевне?

Девочка она образованная и давным-давно решает задачи на сложение. К примеру — одну порцию шоколадного мороженого приплюсовать к сливочному. И прибавить стакан газированной воды с двойным сиропом.

С пастой, зубной щеткой и мылом она дружна. А вот с большой расческой не очень — расческа больно дергает за волосы.

Зеркало Алена Юрьевна совсем не любит. Такое неправдивое зеркало! Показывает всякий раз белобрысенькую девчонку, да еще с веснушками. А вместо носа какую-то розоватую пуговицу.

Профессию себе Алена Юрьевна выбрала окончательно и бесповоротно. Это

дворник,
доктор,
повар,
милиционер,
гимнастка,
космонавт.

Но больше всего любит Алена Юрьевна рисовать

цветными мелками,
карандашами,
акварельными красками,
фламастерами
и просто шариковой ручкой.

Растет Алена Юрьевна в большой рабочей семье, которую взрослые часто называют мудреным словом — Династия.

И это означает, что глава семьи — мастер-доменщик Иван Матвеевич Веснушкин, его сыновья и дочери, взрослые внуки и внучки работают на одном металлургическом заводе.

Когда вся Династия собирается вместе, в доме становится тесно и шумно.

На стол подаются знаменитые уральские пельмени. И полная приправа к ним. В пузатых графинчиках.

А на кухне, ожидая своего часа, пытит старинный самовар. Медную грудь его украшают медали. Жарко сверкают начищенные бока.

Обычно к самовару выставляется варенье:

вишневое,
малиновое,
клубничное,
земляничное,
смородиновое (двух сортов).

Понятно, что Алена Юрьевна успевает попробовать все сорта. Да еще маленький кусочек слоеного пирога, именуемого степкой-растрепкой.

За столом взрослые ведут непонятные разговоры. То и дело слышатся такие слова:

домна,
руда,
чугун,
мартен,
конвертор.

А чаще других — длинное-предлинное слово:

ре-кон-струк-ция.

Его всегда произносили так, что слово это хотелось написать непременно большими-пребольшими буквами.

Алена написала. И показала деду.

Иван Матвеевич восхитился:

— Правильно, Алена Юрьевна. Только маленькую поправочку надо.

И дописал: „Даешь реконструкцию!“

— Хорошее это слово — даешь! Когда я был молодым, оно у нас на первом месте стояло. Даешь Магнитку! Даешь тракторный! Даешь пятилетку! Слово это...

— ... волшебное?

— Во-во! Это ты в самую точку попала. Именно волшебное... Реконструкция-то что значит: скажут старенькой домне „спасибо“ за службу, уберут с рабочего места, а на ее фундаменте поставят новую печь. И начнет эта новая домна выдавать чугун в огромном количестве. Больше чугуна — больше стали. А куда сталь идет?

Алена огляделась. И оказалось, что многие вещи дружат с металлом:

телевизор,
пылесос,
плита,
стиральная машина,
дверные замки,
кастрюли,
ложки-поварешки
и даже — детские игрушки!

Так вот отчего днем и ночью гроыхает огромный завод!

По широким лентам стремительно проносятся огненные слитки. Металл становится станками, машинами. И жаркие его реки текут и текут...

Алена давно заметила — когда дед рассказывает о заводе, о домне, о металле, лицо его сразу молодеет. В голубых глазах прыгают искорки, а морщинки на лбу куда-то исчезают.

Дед говорит о чугуне, словно о старом добром приятеле.

Алена даже представила: дед приходит в свой доменный цех и крепко жмет горячую руку чугуна:

— Как поживаешь, дружище?

Даёшь
реконструкцию!

... И крепко жмет горячую руку чугуна:
— Как поживаешь, дружище?

Раннее-раннее утро. Алена Юрьевна крепко спит, а какие ей снятся сны, про то никому неизвестно.

Возможно, ей снятся трубочки с кремом, которыми угощал ее сосед по прозвищу Батон Батоныч, пекарь по профессии.

Но вот стальной молоточек ударил по звонкой шляпке будильника, и тот пронзительно зазвенел: „Пора вставать!“

За окном зима раскинула белые холсты на улицах и площадях. Мастерские-морозцы украсили хрустальным ледком узорчатые ограды парков и скверов.

Еще затемно примчался на лихой белоснежной тройке Север Северинович, долго кружил над городом, словно прикидывал — где бы погуще трянуть своими снежными запасами. Голубыми светлячками падали снежинки, и оттого становилось еще светлее.

Не скупится Север Северинович, знает: утром выбегут на улицы ребята, и замелькают снежки, круче станут ледяные горки, словно грибы вырастут тут и там снежные бабы. С морковками вместо носа и дырявыми тазами-шляпами.

Рабочий город просыпается рано. Еще задолго до рассвета пекари в накрахмаленных колпаках вынимают из жарких печей румяные батоны и булки, в магазины отправляются тысячи бутылок молока.

Шуршат первые троллейбусы, плавно катят автобусы, тоненько звенят трамваи. Ручейки пешеходов сливаются, и вскоре огромная река дружно плывет к проходным заводам.

Еще издали слышно его могучее дыхание. Шумно пыхтят доменные печи, дымят нацеленные в небо трубы мартенов.

Временами над заводом разгорается сияние — идет разливка металла.

Разных профессий требует завод. В общем потоке спешат

горновые,
сталевары,
прокатчики,
электрики,
коксохимики,
слесари,
железнодорожники.

И каждый приветливо здоровается со старым мастером Веснушкиным:

— Солнечных дел мастеру — наше почтение.

Алена спрашивает у деда:

— А почему они так тебя называют?

— Да ведь, почитай, всю жизнь при солнышке состою. Службу нес.

— Ну скажешь! Как же ты можешь при солнце состоять, если оно вон где. Туда даже ракеты не посылают.

— А в печи-то чем не солнце? Родни родней. Как загудит, засверкает — удержу нет. Только мастеров своих и слушает.

— А откуда они взялись, мастера такие?

— У-у, история эта длинная, дела давние-предавние.

— Скоро сказка сказывается... — хитренько пропела внучка.

Дед Иван Матвеевич хмыкнул:

— Ну, тогда слушай...

...В давние-предавние времена на месте нашего края совсем пустынно было — ковыль седой да полынь пахучая. Только ветер с волками наперегонки бегал да песни завывал. Парил в небе орел — а под ним степь без начала, без-конца, без края.

Жил здесь человек один, Таганаем его звали. Трех сыновей имел: Ишимбая, Сарбая да Селямбая.

А было у старика Таганая богатства видимо-невидимо. Но больше всего дорожил Таганай саблей своей. Не простая была сабля — из металла волшебного, булата. Ах и сабля! То молнией сверкнет, то птицей взлетит, то голубым огнем вспыхнет.

Взмахнет Таганай саблей — ковыль голову седую к земле клонит, у недоброго человека душа от страха захоленет. И еще говорили: кто булат имеет — секретом долгой жизни владеет.

Вот и позавидовал этому старый леший Шурале.

Жил он возле поганого болотца, часами слушал комариное пение, до которого охотником великим был, да все прикидывал, как бы Таганаевым булатом завладеть. Думал, думал и придумал: старший сын Таганая жадноват, спит и видит добро отцовское за собой.

Вот и подговорил его Шурале:

— Старый стал ваш отец. Зачем ему такие сокровища? Поделите с братьями поровну. Я вам место покажу, где сундуки Таганаевы схоронены, а вы мне сабельку его отдадите. Железку простую — за такое-то богатство!

Ишимбай и согласился. Украл у отца саблю булатную, отдал лешему. Пошли они за богатством. А Сарбай за ними следит.

Открыл Ишимбай сундук отцовский — глаза разбежались. Рубины вишневые, бирюза голубая, яхонты солнечные, изумруды зеленые, жемчуга прозрачные — горят, переливаются!

Ишимбай горстями гребет, халат скинул — камешки дорогие в узел насыпает.

Тут и Сарбай подскочил:

— Мне половину! — кричит.

Шурале радуется. И саблю булатную получил, и пакость учинил: сыновей с отцом поссорил.

Да радость недолгой была. Таганай как раз с охоты возвращался, сердцем чует — не ладно. Огрел коня нагайкой, налетел степным беркутом на Шурале. Леший от страха в землю зарываться стал, притворился горой каменной. Да так и остался навечно.

И вот что дивно — крикнет кто-нибудь, а гора откликается, да не эхом. Это Шурале до сих пор добрых людей с толку сбивает. Кто про эту историю не слышал — Откликным Гребнем ту гору называет.

Погнался Таганай за сыновьями. А Ишимбаю с узлом бежать трудно: пот градом льет, камешки дорогие нет-нет да и выпадают. Где изумруд падет — лес зеленый поднимается, где бирюза — озеро голубое засверкает.

Слышит Ишимбай горячий топот коня отцовского. Куда деваться? Бросил узел — и на том месте горы выросли. А Ишимбай от стыда сквозь землю провалился. Рассказывают люди — по сей день находят в земле черную кровь Ишимбаеву. Нефтью зовут.

А Сарбай тоже жадности непомерной был. Бежит — задыхается, а добро из рук не выпускает. Известно, глупость да жадность — сестры родные. Так в степях зауральских и дух испустил.

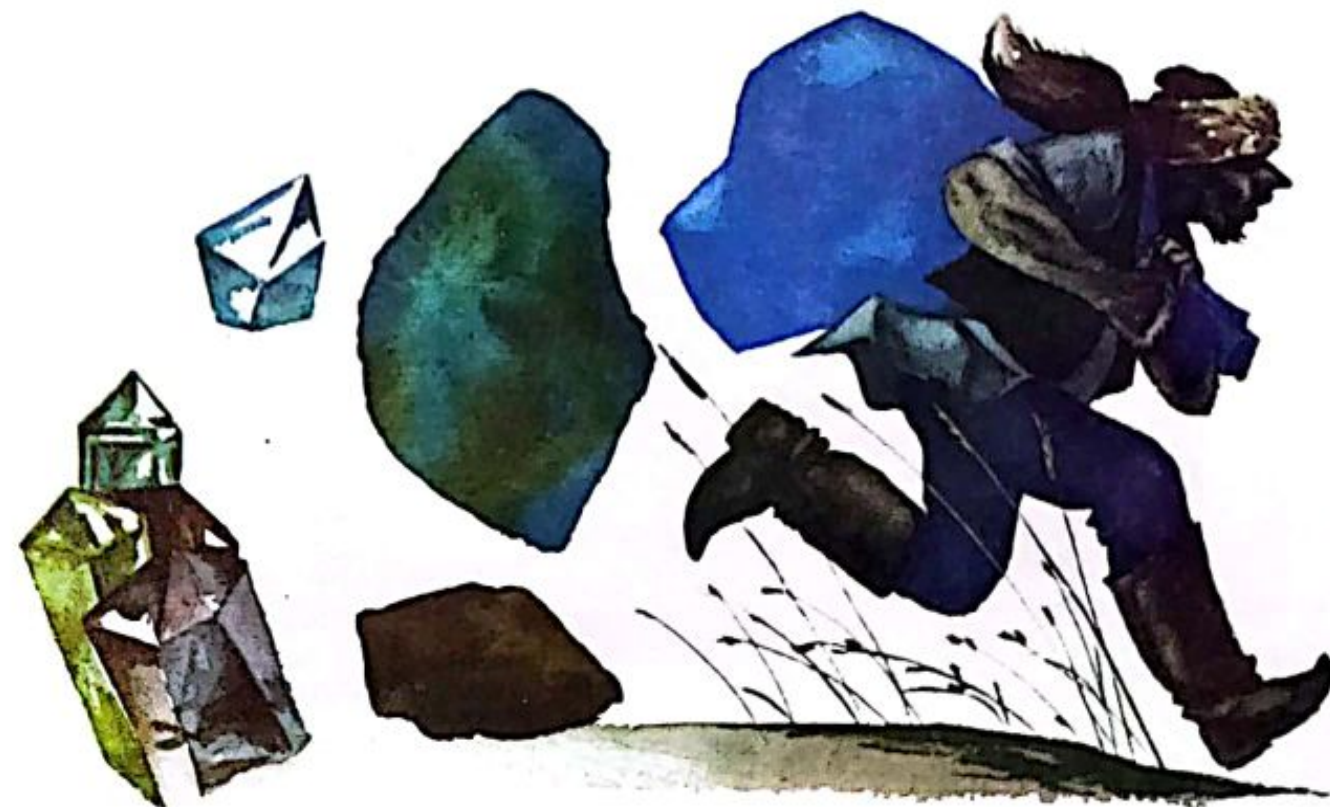
Взмахнул Таганай булатом, голубым огнем вспыхнула сабля и пропала. От стыда за неблагодарных сыновей окаменел Таганай, в гору превратился. Да такую высокую, что по ночам луна у него на каменном плече отдыхает. Так и говорят все: Таганай — подставка луны.

Остался Селямбай, младший сын Таганая, один-одинёшенек. Пошел он куда глаза глядят. День шел, ночь шел. Остановился на берегу глубокой реки Миасс. Жилье себе построил, стал зверя бить, хлеб растить.

Место это бойким оказалось. Хозяин, Селямбай, приветлив. Потянулись к нему люди. А мастеровые люди где прошли — навечно след свой оставили. Заводами, домнами, шахтами славится с тех пор наш край.

Живут в народе предания о железных кладах Сарбая и горы Магнитной, голубые легенды озер, узорные чугунные сказки Каслей, сказы о нефтяных фонтанах Ишимбая. Селямбая тоже не забыли — он ведь ту землю обживать первым стал.

Старики говорят: оттого, мол, это место Селябой прозвали, Челябой по-нашему. А кто и по-другому толкует — сказки ведь всяк по-своему рассказывает.

*...А кто и по-другому толкует —
сказки ведь всяк по-своему рассказывает.*

Вечером Алена встретила деда радостным криком:

— А я пятерку сегодня заработала!

В таких случаях дед всегда удивлялся:

— Сомнительно чего-то!

Он брал тетрадь и незаметно переворачивал ее:

— Так и знал! И отчего бы это, Алена Юрьевна, нынешние пятерки в аккурат на наши старые двойки походят?

Алена Юрьевна ужасалась:

— Дед, да ведь ты тетрадь вверх ногами держишь.

— Действительно. Надо же, прощения просим. Стало быть, Алена Юрьевна, и ты свой подарочек к празднику припасла.

— Какой праздник? На календаре нет красного листка.

— А ты на рабочий календарь взгляни. Вот торопыга! Бывает, и в июле новый год встречают. Вот и мы... Одним словом — реконструкция!

Пока дед плескался в ванне, Алена листала странички календаря.

Да, календарь похудел. Казалось бы, совсем недавно — в самом начале года! — он был таким жизнерадостным толстяком. И было в нем триста шестьдесят пять страниц самого разного цвета.

Голубые странички — хрустальная капель, торопливые ручейки, солнечные веснушки подснежников.

Зеленые — буйный рост трав, нежнейший запах земляники, веселые ветки в голубых рубашках, спящие глаза-жемчужины озер.

Красные, желтые, коричневые листочки календаря — осенняя метелица листопада, неслышные дожди, прощальные крики птиц, первые угрозы зимы.

А вот и последние странички замелькали снежными бабочками.

Разноцветные фонарики елки, терпкий запах хвои, веселые ребячьи праздники, новогодний наряд города.

Алена уже мечтала о тех днях, когда на Главной площади вспыхнет огнями елка, вырастут сказочные избушки, где будут продавать разные радости.

Да, новый год, как говорили взрослые, был уже на носу.

Мама приходила с работы поздно. Не раздеваясь, садилась на стул и говорила:

— Реконструкция!

И папа появлялся дома все реже и реже, торопливо перелистывал какие-то толстые книги, и уже из коридора кричал вместо „до свиданья“ — реконструкция!

Дед вышел из ванной розовый и довольный. Видно было, что настроение у него

ве-ли-ко-леп-ное.

Мурлыкая песенку, он выложил на стол пузатенькие карманные часы, рядом с ними положил программу радио и телевидения и взял в руки шкатулку.

— Продолжим разговор о мастерах старинных?

Алена Юрьевна захлопала в ладоши: вот оно то самое „свое время“, о котором говорил папа.

Но дед шкатулку пока не открывал. Он словно взвешивал ее на руке.

— Тонкая работа! Каслинское литье, оно ведь только верхогляду куском чугуна кажется. Взять подсвечник — он сам вроде бы изнутри светится. Или кони чугунные. Так и ждешь — загремят копыта, пыль, столбом взовьется.

Вот какие были отменные мастера — Илья да Афанасий Широковы, знаменитый литейщик Василий Федорович Торокин.

Правду иль нет, но говорят — был в Каслях мастер по фамилии Веснушкин. Шкатулки с секретом отливал.

Неспроста на крышке-то солнышко да подснежник — со смыслом. Мол, солнечных дел мастер создал это.

— А подснежник причем?

— А притом, что подснежники издавна солнечными веснушками прозывали.

И дед открыл шкатулку. Так вот какие секреты хранила она:

вырезки из газет,
ордена,
медали,
пожелтевшие Почетные грамоты,
чугунное колечко,
старинные серьги с прозрачными камешками,
старые фотографии.

На одной фотографии, среди людей в рабочей одежде, стоял молодой человек. Он очень походил на папу. И на деда. А позади была домна. Хоть и одета в стальное платье, но напоминала она стожок сена.

Алена вспомнила — такую же фотографию, только большую, она видела на выставке юных техников в Доме пионеров. Там ребята постарше показывали модель действующей домны.

И табличка была:

„Работа юных техников клуба „Шуруп“.

Важный мальчишка объяснял, помахивая указкой:

— Мы работали над действующей моделью домны номер один целых два года. Консультантами у нас были ветераны труда, которые когда-то сами собирали эту домну, уже в нашем городе, и сварили в ней первый чугун. Напомню, домну, вывезенную из прифронтовой полосы, собрали в очень короткий срок. И уже в апреле 1944 года она выдала военный чугун. Из челябинского чугуна была сварена специальная броневая сталь.

Тут важный мальчишка нажал какие-то кнопки, на модели загорелись огоньки, что-то загремело — домна ожила...

Дед разглядывал старенькую фотографию.

— Больше тридцати лет этому снимку, внучка. Вот этот, во втором ряду, чернявенький — сейчас заместитель министра. А этот — доменщик в Сибири, Герой труда. Тогда совсем мальчишкой был. А на этого посмотри, с бородой — знаменитый мастер Федор Максимович Коробков. Учитель мой.

Помню, лет шестнадцать мне было. И говорит мне отец: „Давай-ка, Ванюшка, езжай в далекий город Железнодорожск. Живет там Федор Максимович Коробков. Будешь у него огневому ремеслу учиться. Вернешься мастером — вот мне и смена будет“.

Начинал я на домне верховым.

Возил по деревянному настилу тачки с древесным углем, рудой да известью.

Каждый раз до самого верха домны, до люка — он, по-нашему, канусом назывался. Канус быстренько откроешь, сыпанешь из тачки, а дым из печки, газ доменный — задохнешься. Верховых меняли часто, угорали люди.

Я и горновым работал — тоже несладко. Не всегда печка слушалась — случалось, ударит огненный факел, искрами засыплет. Иной раз и одежонка на тебе загорится. Газ, пылица, огонь. Печки маленькие, капризные. Мастеровые на глазок работали. Ошибешься — пиши пропало. Да все вручную, силой своей металл брали. Чугун командовал, не мастеровые.

Набирал рабочих мастер. А экзамен был такой — бросить пудовую гирию два-три раза метров на десять. Вот так и становились доменщиками. Силенки-то были, а насчет науки слабовато.

Дед посмотрел на часы, зачем-то завел их...

— Вот и травил домна-печка людей газом, огнем палила, здоровье уносила. Мне Федор Максимович такую историю рассказывал, еще при хозяине-заводчике было.

Однажды ночью закапризничала печь, — перегрузили. И вдруг — взрыв! Второй, третий! Загудел, закипел огненный котел, домна словно подпрыгнула, словно от земли оторвалась.

Пробил чугун стенки горна и пошел гулять на воле. Да так погулял, что пять доменщиков в больницу отвезли. Обожгло их, ушибло крепко.

Сам хозяин из города приехал, перепугался — убыток большой. Торопит с ремонтом, особую плату обещает.

А как в домну неостывшую спускаться? Газ травит, огонь жжет.

Раздобыли голубей, запустили двух в печь. Погибли птицы — угорели. Не одни сутки прошли, пока голуби стали вылетать. Значит, печь остыла, угарный газ вышел.

Вот тогда ломами да кирками стали разбивать нерасплавленную руду, уголь и выносить из печи на руках.

А рядом уже копали глубокий котлован — хозяин задумал построить еще

одну домну. Стальными трубами соединили сестер, и стали они работать вместе.

А потом — Революция. Царя долой, хозяина долой. Первые пятилетки начались — заводы новые строились, электростанции, железные дороги — а всем стройкам металл подавай. Да много.

К этим-то двум домнам еще помощников понастроили, да и сам Железнодорожник по-другому стали звать.

Хорошая жизнь началась, да война помешала. Фашисты подошли к самому городу. И тогда решено было взорвать первую домну, чтобы врагу не досталась, а ее младшую сестру разобрать и перевезти на Урал. Пусть чугун варит для фронта, для Победы.

Я в те годы уже домой вернулся, на заводе работал.

Вызывают меня в дирекцию и говорят: „Встречай, Иван Матвеевич, старую знакомую. На Урал едет. Будет она основой завода в Челябинске, а где завод — там и целый город рабочий класс себе построят.“

Вот так и стала домна-старушка в солдатский строй. Славно повоевала: за двадцать восемь лет своей службы на Урале выдала она десять с лишним миллионов тонн крепкого металла.

Для

грозных танков,
гвардейских минометов,
снарядов.

А после войны —

тракторов,
комбайнов,
мостов.

А чугуна-то с каждым годом все больше да больше подавай. Как быть?

...А чугуна-то с каждым годом
все больше да больше подавай. Как быть?

— И вот решили: на месте старой домны должна стать новая, большая. Все здесь продумано и построено...

— ...по последнему слову техники? (Это Алена Юрьевна вспомнила папины слова.)

— А как же! Само собой. И приборов самых новейших столько, что даже просто записать их — и то тетрадь общую надо.

Машины, механизмы. Кругом приборы да автоматы мастеру подсказывают: эй, доменщик, а ну прибавь жару-пару, да того, да сего, да третьего. А как пойдет чугун, стоишь и радуешься: плыви, плыви, родной. Далеко плыви! Разольют его в ковши, крикнет тепловозик: „До скорой встречи!“ — и везет чугун к мартенам-великанам. Они уж из него сталь разную варить будут.

А домне снова загрузка — аппетит у нее хороший, только подавай.

— И первое, и второе, и третье? — спросила Алена, вспомнив, что еще вчера выбрала себе профессию повара.

— Полный обед, — подтвердил дед, — только порции тоннами измеряются. Ну, скажем, на первое:

руда железная.

На второе:

кокс (это уголь такой).

На третье:

известь.

Известь — для того, чтобы металл чище был, без вредных примесей. А все вместе это называется шихта. Ее на весах взвешивают, да точненько, как в аптеке.

Раз — готова порция шихты. И называется эта порция у нас, доменщиков, — калоша.

А уж потом — подавай горячий воздух через фурмы. Посмотрит доменщик в глазок, как там обед из чугуна варится, все ли есть, что положено. Ух, горяча кашка — подавайте чашку!

Дед взглянул на часы и ушел на кухню. А Алена Юрьевна стала сочинять сказку:

„Жила-была Домна Ивановна, очень добрая и симпатичная старушка. Семья-то у нее была большая, по фамилии — Династия. И забот много, как у нашей бабушки. С утра до ночи она готовила обед из трех блюд, чтобы накормить своих братьев Мартенов. Были они стальными великанами, все как на подбор“.

Потом нарисовала Домну Ивановну. Раскрасила ее в темно-синий цвет, повязала белым платочком в горошек, точь-в-точь как у бабушки.

За этим занятием и застал ее Иван Матвеевич. Он посмотрел рисунок, похвалил и сказал, что картину завтра непременно нужно снести в музей.

— Одна беда, — сказал он, — посмотрят и скажут: непонятно нарисовано,

не совсем похоже. И еще скажут: жаль, что художник со специалистами не посоветовался.

— Это можно,— согласилась Алена,— можно посоветоваться.

Она пододвинула рисунок и карандаш деду.

— Начнем по порядку. Вот горн. Нет, нет, не пионерский. В нашем горне собирается чугун и шлак. Ну, а горновой— это рабочий, который выпускает чугун на белый свет.

А как? Я уже говорил— через „ворота“-летку. Вот тут ее и подрисуем. Перед выпуском чугуна летку подготавливают— просушивают. Через сырую ни-ни,— такой взрыв может получиться, что твой вулкан. А вот здесь я пушку изобразю.

— Настоящую? — удивилась Алена Юрьевна.

Тут уж дед Иван Матвеевич удивился:

— Ну, что за народец? Ракету нарисуют, танк нарисуют, а чего-нибудь такое...

Дед не нашел подходящего слова и опять заработал карандашом.

— Это электрическая пушка. Только-только чугун выпустили,— она летку специальной массой и забьет. Как выстрелит.

У наших домен всего хватает— приборов, механизмов. Техника! И все чугуно-батюшке служат. А слово то „чугун“ откуда взялось?

Алена Юрьевна поспешила заверить:

— Это мы еще не проходили.

— Чугун, он, известно, хрупкий. Саблю или меч не выковать. Вот и прозвали его в старину кузнецы-оружейники „свиным“ металлом, а слитки — „чушками“.

Дед взглянул на часы и скомандовал:

— Внимание! Включаем телевизор!

На голубом экране был завод. Люди в рабочих спецовках и защитных касках деловито сустились у новой огромной домны. Она была опоясана толстыми стальными канатами.

— Запрягли голубушку! — шумел дед. — Ого! Высота семьдесят четыре метра, а вес — девять тысяч без малого. Сейчас поедет!

— Поедет? — удивилась Алена Юрьевна.

— На свое место. На фундамент домны-старушки. Сорок два метра проедет и — порядок. Ре-кон-струк-ция!

На голубом экране появился молодой человек и закричал в микрофон:

— Здравствуйте, товарищи! Мы ведем репортаж из доменного цеха. Сегодня здесь знаменательный день. На наших глазах новая комсомольско-молодежная домна заменит старую, которая в грозные годы войны положила начало нашему металлургическому заводу.

Три часа двадцать минут. Поехали!

Где-то взвыли невидимые моторы, и стальная громада медленно тронулась вперед, заполняя собой весь экран.

И снова показался человек с микрофоном в руке. Рядом с ним стоял кто-то очень знакомый.

— Разрешите познакомить вас с инженером, одним из представителей славной династии металлургов Веснушкиных, — Юрием Веснушкиным.

Алена сразу узнала папу, а молодой человек продолжал кричать в свой микрофон:

— Скажите, Юрий Иванович, вам не жалко было расставаться со старой домной?

И папа ответил:

— Я и мои товарищи прошли на старой домне хорошую школу. Кто же не вспомнит первого учителя добрым словом? А на этой домне, видно, придется постигать высшее образование. Без этого нельзя.

Камера показала цепочку людей. Они передавали друг другу поленья. („Для растопки“, — пояснил дед.)

С большой высоты с грохотом опускаются сотни тонн руды, известняка и кокса — „обед из трех блюд“. Сейчас наступит главный момент: будет дан воздух, и начнется жизнь новой домны.

Дед весело подмигнул:

— Смотри, Алена Юрьевна, и запоминай: скоро задышит-задымит красавица!

И на голубом экране, глотнув воздуха, ожила, засветилась домна. Дружно загорелись в ней дрова, а потом и кокс. Вокруг пронесся шепоток: это воздух уходил из печи. Но вскоре шепот прекратился, и домна с каждой минутой стала нагреваться и набирать силу.

Экран телевизора погас.

Алена подошла к окну. Как всегда, над заводом полыхало зарево. А за окном запели ветры и начиналась метель.

Где-то в бездонных глубинах неба яростно столкнулись снеговые тучи, и на землю обрушилась лавина снежинок. Они медленно и плавноплыли вниз — словно их притягивали разноцветные огни.

Снежинки белыми бабочками кружились вокруг горячих фонарей, гирляндами нанизывались на ветки деревьев, узорчатым ковром стелились по улицам, осаждали добродушные фары автомобилей.

Огромная шапка-невидимка неслышно опускалась на город. И тогда сказочными цветами украсились парки, скверы, по самые брови надвинули снежные козырьки дома.

На тройке ослепительно белых коней в город ворвался Север Северинович. Закружился сверкающим колесом. Взметнул вверх снежные вихри. Тряхнул ледяными бубенчиками. И еще долго в морозном воздухе стоял еле слышный звон.

А на литейном дворе затишье, только все чаще и чаще вздыхает домна, и ее вздохи далеко уносятся в черное небо. Молодой красавице, сегодня принятой в семью стальных великанов, отвечают седые, окутанные морозом и паром, сестры.

Вторая сказка, сочиненная Аленой Юрьевной.

„ — Здравствуйте, я — ваша сестра, — сказала новая Домна, — давайте знакомиться!

— Очень приятно, — ответили братья Мартены.

— Давайте поиграем в пятнашки, — сказала Домна.

— Ха-ха-ха! — засмеялись братья Мартены...“ (По правде говоря, засмеялся папа, заглянувший в сочинение.)

Пришлось Алене Юрьевне обидеться:

— Ах, так! Тогда я буду рисовать.

И нарисовала: ураган искр, языки пламени плясали вокруг домны. Бурлила река раскаленного металла. Горели разноцветные глазки приборов. И всем этим управляла девочка с косичками, которые торчали из-под медной пожарной каски.

— Кто это? — удивились мама и папа.

— Ктоточки!

— Пойдите, пойдите, — сказал дед Иван Матвеевич и взял рисунок. — Да как же мы сразу не узнали? Очень похоже нарисовала себя Алена Юрьевна. Это называется автопортрет. Лихо командует домной. Настоящий мастер солнечных дел, по рисунку видно.

Ну, разве можно не согласиться с главой династии — старым доменщиком Иваном Матвеевичем Веснушкиным?

СОДЕРЖАНИЕ

Секреты каслинской шкатулки • 3
Мастер солнечных дел • 6
Секреты каслинской шкатулки (продолжение) • 10
Сестра стальных великанов • 16

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вы прочитали повесть-сказку о домне, знаменитой комсомольской с Челябинского металлургического завода. О том, что такое реконструкция и как переезжала в девятой пятилетке Домна Ивановна на рабочее место. Напишите, понравилась ли вам книжка? Отзывы присылайте по адресу: 454113, г. Челябинск, пл. Революции, 2, ЮУКИ.

для дошкольного и младшего школьного возраста

ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ПОДКОРЫТОВ
ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ТУРБАЛ

СЕСТРА СТАЛЬНЫХ ВЕЛИКАНОВ

Художник Г. В. ФИЛАТОВ

Редактор Т. А. Лебедева
Худож. редактор Я. Н. Мельник
Техн. редактор Т. В. Плотникова
Корректор С. М. Кадошникова

Сдано в набор 15/VI-1976 г.
Подписано к печати 13/XII-1976 г.
Формат 60×90/8 — 3 печ. л., 3,07 уч.-изд. л.
Тираж 200 000 экз. Бумага офс. № 1.

Южно-Уральское книжное издательство,
г. Челябинск, пл. Революции, 2.
Областная типография Челяб. обл. управления издательств,
полиграфии и книжной торговли,
г. Челябинск, ул. Творческая, 127.
Заказ № 2926.
Цена 22 коп.

П $\frac{70802-095}{M162(03)-76}$ 54—76

© Южно-Уральское книжное издательство, 1976.

GardarikaRus+Майская роза